

**ВИТКОВСКАЯ Л.В.
ГОЛОВЧЕНКО И.Ф.**

Пятигорский государственный университет

**В. БРЮСОВ И О. МАНДЕЛЬШТАМ О
ПОЭЗИИ АРМЕНИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: *когнитивная наука, лингвокогнитивный аспект, культуррегентская деятельность, В. Брюсов, О. Мандельштам.*

Развитие и становление во второй половине XX века когнитивных наук как магистрального направления исследований мыслительных процессов человека значительно расширяет представление о потенциале его познавательных способностей и вносит, как известно, кардинальные коррективы в интерпретацию многих лингвокогнитивных и семантико-стилистических концепций. В данном плане анализ трудов В. Брюсова по истории, культуре и поэзии Армении, созданных в начале XX столетия, весьма показателен, если их рассматривать в контексте эпохи автора и соотносить с современной научной парадигмой. Работы деятеля русской культуры о поэзии Армении, с одной стороны, являются подтверждением того, что «когниция организует в человеке смыслообразование и использование значений в рамках культуры, делая значение общим достоянием людей, принадлежащих к этой культуре» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996:5], но, с другой стороны, «результаты когнитивной деятельности могут связываться с образованием системы смыслов (концептов), относящихся к информации относительно актуального или возможного положения вещей в мире – т.е. к тому, что индивид знает, предполагает, думает и/или воображает об объектах действительного и возможных миров и что входит в концептуальную систему человека» [там же:52]. Культуррегентский вклад В. Брюсова («Летопись исторических судеб армянского народа», очерк «Поэзия Армении и ее единство

на протяжении веков», антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», переводческая, стихотворческая и стиховедческая деятельность) основателем, многогранен и актуален до настоящего времени. Его уникальность заключается в том, что данным изысканиям присущ, выражаясь современным научным языком, когнитивно-концептуальный характер – они, фактически, заложили основы многочисленных и разнонаправленных исследований феноменальных особенностей (в том числе, лингвистических, семантических, стилистических) культуры одного из древнейших народов Кавказа, глубокое изучение феномена которого позволило сделать поэтическое обобщение: «Да! Вы поставлены на грани / Двух разных спорящих миров, / И в глубине родных преданий / Вам слышны отзвуки веков» [Брюсов 1973:234]. В. Брюсов на основе глубинного историко-лингвистического анализа рассмотрел, начиная с древнейших эпох, становление армянского языка, на развитие которого влияли процессы эллинизации, романизации, слияния арабских, сирийских и других корней и различных элементов. В изучении Армении В. Брюсов нашел неиссякаемый источник, значение которого сам подчеркивал: «как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении – целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении – такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества» [Брюсов 1916:9-10]. Такой подход позволил ученому-филологу сделать вывод о том, что «армянские поэты шли своей дорогой». О поэте Петросе Дуряне он, например, говорит как о ярком метеоре, это «личность <...> поэта следующего поколения, <...> прорезавшего небосклон армянской литературы» [там же:72]; о творчестве «поэта всех армян» Ов. Туманяна пишет: «В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером» [там же:83]. Многие брюсовские характеристики и оценки как общего

характера, так и творчества отдельных армянских поэтов, сохраняют свое литературно-критическое значение и играют огромную пропагандистскую роль.

Подлинным знатоком, ценителем и пропагандистом армянской поэзии, также увлекшимся «армянской» темой, оказался другой русский поэт Серебряного века – Осип Мандельштам. Хотя нет оснований или прямых упоминаний (тем более, от самого О. Мандельштама), что В. Брюсов повлиял на проявление у него интереса к Армении, следует отметить немало схожих направлений, тем, мотивов, нюансов и даже семантических переключек в оценках истории армянского народа и в восприятии его поэтических творений. В определенной степени подобное положение вполне естественно, так как поэты принадлежат одной эпохе, знакомы с теоретическими позициями друг друга: идеи В. Брюсова относительно природы поэтического языка, обсуждавшиеся на заседаниях «Цеха поэтов», были известны О. Мандельштаму, чем объясняется генетическая связь их теоретико-литературных принципов [см. Калмыкова 2009]. Заслуга О. Мандельштама состоит в том, что он (как отмечает, к примеру, председатель Мандельштамовского общества при РГГУ П. Нерлер) сделал саму Армению частью русской культуры и более того – открыл ее в некоем ином историческом и культурном измерении.

Характерно, что впервые Армения упоминается О. Мандельштамом в 1922 г. в статье «Кое-что о грузинском искусстве». Незадолго до этого в Тифлисе он перевел стихотворение «Пляски на горах» армянского поэта-футуриста Каро-Дарвиша. Армения оказалась предметом «вожделения» поэта; он стремился туда, как в некую Землю Обетованную: «к 1930 году Мандельштам уже не просто тянулся к стране Арарата – нет, он отчетливо представлял себе ее историю и культуру, что недвусмысленно, хоть и косвенно, зафиксировано в “Четвертой прозе” и сполна воплощено в армянских стихах» [Кубатьян 2012:эл. рес]. Поездка в Армению, которой О. Мандельштам долго ждал и к которой готовился (пытаясь, к тому же, изучать армянский язык), обогатила впечатления поэта, легшие в основу

сборника стихотворений «Армения» (опубликованного в марте 1931 г. в «Новом мире») и цикла очерков «Путешествие в Армению». По мнению С. Аверинцева, «Встреча с древней армянской культурой становится для него одним из формирующих жизненных впечатлений», а Армения оказывается не столько объектом для созерцания, сколько поводом для эстетических и филологических обобщений.

Армения и русская поэзия – исключительно своеобразная тема исследования. Анализ тем «В. Брюсов и Армения» и «О. Мандельштам и Армения» показывает, что во многом это разные истории. Если В. Брюсов открыл русскому читателю понятие и понимание армянской поэзии (и не только самих поэтов, произведения которых позже были переведены), то у О. Мандельштама было особое отношение к Армении. Достаточно обратиться не только к тематике стихотворений, посвящённых этой стране, к прозаическим очеркам «Путешествие в Армению», но и к многократным упоминаниям в переписке и в воспоминаниях, чтобы убедиться, что это оригинальная поэтическая демонстрация, весьма разносторонне осветившая Армению как для читателей, так для многих русских поэтов, писателей и исследователей последующих поколений.

Содержание и значение очерков («Севан», «Ашот Ованесьян», «Москва», «Сухум», «Французы», «Вокруг натуралистов», «Аштарак», «Алагез»), объединённых общим заголовком «Путешествие в Армению», выявляет специфику избранного О. Мандельштамом жанра травелога, позволившую автору (как языковой личности и как поэту) вывести формулу «восприятие местности – восприятие языка». Здесь уместно провести сравнение с опытом В. Брюсова.

Как явствует из названий очерков, географически к Армении отношение имеют только три из восьми: «Севан», «Аштарак» и «Алагез». В большинстве текстов рассказывается не столько о путешествии в Армению, сколько о различных ассоциативных связях. «Путешествие в Армению» представляет собой сложное, полифонически организованное целое; иногда непросто уловить связь между фрагментами текста. По словам

автора, в своих зарисовках он выработал шестое – «аратское» – чувство: чувство притяжения горой. Но исследователи (в частности, Дагмар Буркхарт) вполне оправданно предостерегают от восприятия данного цикла очерков как типового травелога, тем более что сам О. Мандельштам определял жанр «Путешествия» как полуповесть. Связь между пространственными и временными пластами повествования приводит к формированию сложнейшей структуры текста, включающей в себя мотивы и идеи, далеко выходящие за пределы конкретной поездки: «В то время как Мандельштам в стихах об Армении попытался непосредственно уловить и передать именно “сплошной характер” действительности посредством поэтического языка, его записная книжка и проработанные путевые записки предстают в качестве сложных полифонических текстов, отдельные фрагменты которых соединены между собой только по принципу монтажа, а также мнениями и размышлениями рассказывающего Я... Речь все время идет о другом, о прерываемом субъективной рефлексией приближении к “сплошной действительности”, которая упорно противится любой непрерывной документированности и любой односторонней оценке» [Буркхарт 2010:65].

Кардинальный интерес для наблюдения представляют диалоги, в которых один из рассказчиков имеет некий заготовленный план повествования, построенный в соответствии с его пониманием вопроса и его концептосферой, другой же обладает иными ассоциативными связями и по-иному воспринимает действительность, в том числе и звучащую речь. Каждый из собеседников излагает свои когнитивно-концептуальные взгляды, формирующие осознание новых лингвосемантических явлений и познание соответствующих концептов. При этом весьма важным оказывается слуховое восприятие армянской речи, сливающееся и взаимодействующее с лингвистическим: О. Мандельштам не только описывает свои впечатления от армянского языка, но предпринимает в поэтических произведениях попытки лингвистических изысканий, описанные в прозе.

Как люб мне язык твой зловещий,

<...>

Где буквы – кузнечные клещи

И каждое слово – скоба. <...>

[Мандельштам 2009:эл. рес]

Колочая речь Араратской долины,

Дикая кошка – армянская речь,

Хищный язык городов глинобитных,

Речь голодающих кирпичей. <...>

[там же]

Дикая кошка – армянская речь

Мучит меня и царапает ухо. <...>

[там же]

В мандельштамовском «Путешествии» описания ощущений от армянского языка играют существенную сюжетно-мотивную роль: «Армянский язык – неизнашиваемый – каменные сапоги. Ну, конечно, толстостенное слово, прослойки воздуха в полугласных. Но разве все очарованье в этом? Нет! Откуда же тяга? Как объяснить? Осмыслить?

Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и, может, даже – на какой-то глубине постыдные.

Был пресный кипяток в жестяном чайнике, и вдруг в него бросили щепоточку чудного черного чая.

Так было у меня с армянским языком» [Мандельштам 1994:эл. рес.]. Примечательно, что автор, как человек, не владеющий в совершенстве армянским языком, слышит, воспринимая его звучание, в основном «железные» звуки, ассоциирующиеся с ключами, клещами, скобами, с крежетом когтей кошки и пр.

Применительно к «Путешествию в Армению», необходимо говорить об общности поэтических и прозаических мотивов, в которых проявляется «тождественность природного и культурного кодов», а главное – феноменологическое слияние

свойств объективного бытия и сенсорного восприятия. Причем, О. Мандельштам, чтобы доказать их нерасчленимость, показывает сам процесс метафорического стяжения явления и его чувственного восприятия, в связи с чем отмечается: «теория “знакомства слов” О. Мандельштама не просто ставит своей целью наращивание смыслов за счет столкновения слов из разных стилистических и семантических контекстов, а имеет под собой глубокую философскую основу, истоки которой восходят к акмеистическим представлениям о мире, как некоем изоморфном единстве, и в то же время – к феноменологическим представлениям, не расчленивающим бытие и его восприятие» [Кихней, Меркель 2013:116].

Анализ мандельштамовских впечатлений от поездки по Армении дает возможность выделить такие векторы когнитивно-концептуальных связей, как «визуальный», соединяющий цикл «армянских» стихотворений в единый монолит, и «слуховой», способствующий восприятию незнакомого языка. Следует обратить внимание на сделанное О. Мандельштамом признание: «“С тех пор, как друзья мои – хотя это слишком громко, я лучше скажу приятели – вовлекли меня в круг естественно-научных интересов, в жизни моей образовалась широкая прогалина. Передо мною раскрылся выход в светлое поле деятельности”».

Это началось летом 1930 года, когда он неожиданно-негаданно познакомился в Эривани с биологом Борисом Сергеевичем Кузиным» [Данин 1999:эл. рес]. В посвящениях ему поэт приходит к философским выводам:

<...> Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится. <...>

[Мандельштам 2009:эл. рес.]

Получается, что «биологическая тема» в произведениях об Армении неожиданно смыкается с лингвистической, позволяющей О. Мандельштаму продолжать размышления о природе слова и языка, о чем свидетельствуют очерки «Сухум» и «Аштарак», в которых речь идет о познании местности через

язык, причем язык, который воспринимается только визуально или только на слух, иногда без подлинно глубокого понимания смысла. В «Аштараке» «каменность» и «толстостенность» армянского языка ассоциируется с архитектурой армянской церкви. В черновых набросках к «Путешествию в Армению» упоминается о «таинственной прелести» языка [Мандельштам 2010:эл. рес.], в «Ашоте Ованесьяне» армянский язык сравнивается с сокровищами, в «Севане» подчеркивается его титаническая мощь – образ чего-то совершенного и сильного, заключенного в простой и скромной оболочке, – это не только о церкви в Аштараке, это и обо всем армянском языке, то есть формула путешествий О. Мандельштама подразумевает, что, не владея языком, можно воспринимать местность через призму внешнего облика языка – его букв и звуков. Таким образом, в основе «Путешествия в Армению» лежат визуальный, слуховой и лингвистический принципы наблюдения за языком, через призму звучания и написания которого воспринимается специфика всей местности.

В стихотворениях и прозе О. Мандельштам соединяет и «зашифровывает» различные измерения: путешествие по реальному пространству становится неким литературным «учительным» странствием и, одновременно, погружением в «лингвистическое армянское» пространство, благодаря чему оно превращается в ассоциативный лингвосемантический комплекс, включивший в свою орбиту самые разные смыслы и жанры, позволившие в особых категориях осмыслить впечатления от Армении и сформировать ее целостный образ.

В то время как О. Мандельштам воплощает свой метод соотношения местности с языком и пытается с помощью художественной прозы и стихотворений анализировать впечатления от языка, его современник и исследователь Р. Якобсон закладывает научные основы метода изучения языка, который он не знает и не планирует изучать. В 1930-е годы ученый разрабатывает основные положения фонологии, которые впоследствии легли в основу дескриптивной лингвистики. Он анализирует стихотворения разных поэтов, в том числе и

О. Мандельштама, с точки зрения грамматических форм и указывает: «непредвзятое, внимательное, подробное, целостное описание вскрывает грамматическую структуру отдельного стихотворения, картина отбора, распределения и соотношения различных морфологических классов и синтаксических конструкций способна изумить наблюдателя неожиданными, разительно симметричными расположениями, соразмерными построениями, искусными скоплениями эквивалентных форм и броскими контрастами» [Якобсон:эл. рес]. О. Мандельштам, в свою очередь, оформляет поэтическую теорию, параллельную лингвистической теории Р. Якобсона. Вероятнее всего, поэт был поверхностно знаком со структуралистскими идеями Р. Якобсона, в силу общей погруженности в научный и лингвистический контекст того времени. Он не упоминает о лингвистических построениях Р. Якобсона, зато часто ссылается на акад. Н. Марра, труды которого по истории армянского языка он изучал. Н. Марр, как известно, настаивал на приоритете семантики и семасиологии перед грамматикой. Обобщение лингвистических соображений О. Мандельштама заставляет обратить внимание на «азы той всеобъемлющей “поэтической ностратики”, на которую опирался в позднем творчестве О. Мандельштам. Он делает ставку на те имманентные силовые потоки, которые проходят по вертикали и по горизонтали – от праязыка к современности и от одних живых языков к другим» [Успенский 2014:42]. Подобные наблюдения высказаны В. Брюсовым, идут от него и влияют на характер литературоведческих исследований XXI века [см.: Страшкова 2004, Чулян 2017].

Анализ проявления философско-лингвистической основы слова и его поэтической семантики в работах В. Брюсова и О. Мандельштама предоставляет возможность выявить в их текстах об Армении существенно значимые для армянской культуры лингвокогнитивные аспекты, давшие в свое время основание О. Мандельштаму заявить: «Армения – книга, по которой учились первые люди», а В. Брюсову – подчеркнуть:

«Армения представляет собой один из центров духовной жизни всего человечества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Манделъштама. Эл. ресурс: <https://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/03article/article.htm>, 28.11.2018.
2. Брюсов В.Я. От редактора к читателям // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов. М., 1916.
3. Брюсов В.Я. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов. М., 1916.
4. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т.П. М., 1973.
5. Буркхарт Д. Глаз как «орудие мышления»: соотношение чувственного познания и поэтической рефлексии в «Путешествии в Армению» Осипа Манделъштама // Беглые взгляды: Новое прочтение русских тревелогов первой трети XX века. М., 2010.
6. Данин Д.С. Нечаянное счастье Осипа Манделъштама // Наука и жизнь. №7. 1999. Эл. ресурс: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9488/>, 26.07.2018.
7. Калмыкова В.В. Эстетика Осипа Манделъштама // Вопросы философии. 2009. №9.
8. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Философия слова и поэтическая семантика Осипа Манделъштама. Монография. М., 2013.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
10. Кубатьян Г.И. Бегство в Армению и другие этюды о Манделъштаме // Вопросы литературы. №3. 2012. // Эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/3/kk2.html>, 14.07.2018.

- 11.Мандельштам О.Э. Вокруг «Путешествия в Армению» 2010 // Эл. ресурс: https://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_2/03annex/0679.htm, 26.06.2018.
- 12.Мандельштам О.Э. Полное собр. сочинений и писем: В 3 т. Т.І. М., 2009. Эл. ресурс: https://imwerden.de/pdf/mandelstam_pss_tom1_2009_text.pdf, 26.07.2018.
- 13.Мандельштам О.Э. Путешествие в Армению // Мандельштам О.Э. Собр. сочинений: в 4 т. Т.ІІІ. М., 1994. Эл. ресурс: <http://lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/armenia.txt>, 21.07.2018.
- 14.Страшкова О.К. «Магический кристалл» в рецепции Валерия Брюсова // Русский символизм и мировая культура. Сб. научных трудов. Вып.2. М., 2004.
- 15.Успенский Ф.Б. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама. «Соподчиненность порыва и текста». М., 2014.
- 16.Чулян А.Г. Брюсов-футуролог (драматургический опыт. «Пирознт») // Брюсовские чтения 2016 года. Ереван, 2017.
- 17.Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.,1983. Эл. ресурс: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-poetgr.htm>, 29.11.2018.

**LEOKADIYA VITKOVSKAYA, IGOR GOLOVCHENKO –
V. BRUSOV AND O. MANDELSTAM ABOUT THE POETRY
OF ARMENIA: LINGUO-COGNITIVE ASPECT**

The paper focuses on historical and literary issues referring to the development of Russian-Armenian relations, related to creative activities of V. Brusov and O. Mandelstam, and to their research of Armenian poetry's linguo-cognitive peculiarities.